

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ В ЛІТЕРАТУРІ ТА ЛІТЕРАТУРИ В ІСТОРІЇ

УДК 304.4

ББК 71.4 (4 Рос) + 63.3 (4 Рос)

Т. М. Марченко

КАЗАЦКИЕ ЛЕТОПИСИ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ XIX ВЕКА: К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ

В статье воссоздан процесс рецепции памятников казацкого летописания (летописи Самовидца, Г. Грабянки, С. Величко, «История Русов») в русской историографии и литературном процессе XIX века. Культурное освоение летописного материала прошло несколько этапов – распространение рукописных списков и первичная популяризация, первые публикации, начало научного изучения, историографическая беллетризация, эстетизация исторического материала и вовлечения его в литературное творчество. Эти уникальные тексты обусловили содержательную определённую и идейный потенциал целого корпуса художественных произведений. На основе летописей романтики творят особенную художественную реальность, которая существует параллельно истории и не есть её копией. Исторические факты и свидетельства летописцев можно рассматривать как атомы, первоэлементы авторского и читательского исторического мировоззрения, которые, просеянные в соответствии с эстетическими вкусами времени, складываются в единую, национальную картину мира.

Как известно, центральным постулатом эстетической теории романтизма стала мысль о том, что искусство развивается всегда в национальной форме, имеет национальную определённую. Эта идея позволила русским романтикам, особенно радикальным в её трактовке, значительно обогатить своё творчество тематически, включить в круг художественных поисков широкий исторический материал, в том числе и «инонациональный», экзотический по отношению к канонической русской истории. Для них интересна история «Россисовокупной» (О. М. Сомов), населённой множеством народов, не отделённых «ни пространством земель чужих, ни морями далёкими» [17, с. 557]. Одной из самых ярких среди многочисленных «инонациональных» тем русской романтической литературы стала украинская. Как справедливо отметил Ю. В. Манн, «украинский» материал, подобно «черкесскому», или «ливонскому», фигурировал

тогда ещё на правах общероссийского, был «свой» и, одновременно, «не свой» [13, с. 12]. Его восприятие в русской романтической картине мира наглядно иллюстрирует метафорическое упоминание П. А. Вяземским «оконечностей живописных» [2, с. 182]. А Н. И. Надеждин писал: «какое-то тайное согласие признаёт её (Украину – Т. М.) славянской Авзонией и предчувствует в ней обильную жатву для вдохновения. Наши поэты улетают в неё мечтать и чувствовать; наши рассказчики питаются крохами её преданий и вымыслов <...> Как географическое положение, так и исторические обстоятельства расположили Малороссию быть торжественным выражением поэзии славянского духа» [14, с. 280].

Парадоксально, но наряду со столь восторженно-идеалистическим восприятием, ориентация на национально-историческую документальность стала творческой стратегией многих литераторов-романтиков, именно таким путём новая русская литература обретала основы, источники, которые её питали. Фольклор и произведения древней книжности – летописи, хроники, дипломатические документы и эпистолярный, активно осваиваемые эстетическим сознанием эпохи, способствовали пробуждению исторической памяти на новом этапе общественной жизни, усиливали историзм художественного мышления, обусловили эстетическое освоение истории.

Творческое внимание романтиков влекли те эпохи, «с которых начинается новое существование народов в их политическом и нравственном бытии» и которые давали возможность ощущать связь «истории целого мира с частной жизнью человека» [18, с. 135]. Таким переломным, судьбоносным в «политическом и нравственном бытии» украинцев стало время, когда казачество превратилось в «авангард национально-освободительного движения в Украине», «а украинцы стали называться “казацким народом”» [22, с. 5]. Для большинства русских литераторов история Украины – это история казачества.

Исследователи, обращавшиеся к изучению украинской исторической темы в русском романтизме – Г. Грабович, Н. М. Жаркевич, И. А. Лучник, В. И. Мацапура, подчёркивали непосредственную зависимость большинства сюжетов и образов, приоритетов в отборе объектов изображения от украинского летописного материала. Отмечается также, что памятники казачьего летописания стали активным социокультурным фактором в процессе становления художественной словесности, тем более, что целая плеяда писателей-романтиков своими корнями, обстоятельствами жизни была тесно связана с Украиной. Поэтому изучение источниковой базы романтической тематики и образности в контексте украинской

исторической темы русской литературы обозначенного периода следует начать с рассмотрения онтологического статуса украинских летописных произведений в культурной жизни России, их влияния на интеллектуальную и художественную жизнь писателей того времени, на формирование национальной картины мира.

Речь идёт, в первую очередь, о казацких летописях Самовидца, Григория Грабянки, Самуила Величко, историософском трактате «История Русов» – произведениях, которые отображали государственные устремления украинского народа и благодаря огромному духовному потенциалу, в них заложенному, стали тем художественным и информационным фактором, который обусловил ряд художественных замыслов и творческих начинаний многих литераторов-романтиков. Их успешной рецепции в широкой общероссийской культурной аудитории способствовало то обстоятельство, что, будучи одновременно памятниками историческими, научными, документальными, они воспринимались и как произведения художественные. Так, Г. Карпов подчёркивал, что летописи писались для лёгкого чтения, для «публики», а не для узкого учёного кружка специалистов [9, с. 215]. Вспомним в этой связи и оценки «Истории Русов» А. С. Пушкина («Множество мест в “Истории Малороссии” суть картины, начертанные кистью великого живописца» [15, с. 90]) и М. А. Максимовича («“История Руссов” – набросок столь желанной для нас художественной истории малороссийского народа») [12, с. 448].

В сложившейся в первые десятилетия XIX века общественно-политической ситуации летописные тексты, в том числе и казацкие, выполняли ещё и просветительские, воспитательные – «целительно-будительные [5, с. 7]», как выразился В. Дончик, функции. Эта характеристика известного украинского литературоведа спроектирована, прежде всего, на украинский литературный процесс, на новый этап духовного развития украинской нации. Однако реконструкция соответствующих реалий общероссийской культурной жизни эпохи романтизма позволяет говорить о более широких масштабах «будительности» памятников казацкого летописания, об их непосредственном влиянии на мировоззрение Ф. Н. Глинки, К. Ф. Рыльева, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. В. Булгарина, В. Т. Нарезного, Е. П. Гребёнки, Н. А. Маркевича, М. А. Максимовича и других, менее известных литераторов. Ряд приведенных имён ещё раз напоминает о необходимости учитывать тот факт, что эпоха романтизма стала временем расцвета творчества литераторов-бикультуралов – тех, кто с полным правом принадлежат сразу двум национальным культурам – русской и украинской.

Итак, активное внедрение украинских летописных памятников в общерусский культурный контекст началось в начале XIX века. К тому времени ещё целиком рукописное наследие казацких летописцев распространяется в списках и, несмотря на такой локальный, элитарный доступ к читательской аудитории, вызывает определённый культурный резонанс. В научных трудах Д. Багалея, В. Шевчука, Я. Дзыры и др. приводятся довольно разрозненные факты, освещающие процесс знакомства русских читателей с древними рукописями. Объединим наиболее интересные из них в единую картину. Так, известно, что одна из известнейших летописей XVII века – летопись Самовидца, существовала в нескольких списках. Честь её открытия принадлежит П. Кулишу. Первый издатель памятника – Осип Бодянский (1846), славист и знаток древней письменности, профессор Московского университета, имел в своём распоряжении три списка, в том числе и русскоязычный перевод XVIII века, который принадлежал известному историку А. Ригельману. По свидетельствам М. А. Максимовича, существовали и другие списки летописи Самовидца, не учтённые первым издателем. Количество списков, открытых библиофилами, увеличивалось и после издания О. Бодянского.

Менее известной была летопись С. Величко, довольно объёмная, что и вызывало трудности с её переписыванием, копированием.

Существовал, фактически, единственный список, так называемая копия Судиенко, которую в 1840 году купил на аукционе после смерти коллекционера И. Лаптева историк М. П. Погодин. Список хранился в основанном учёным «Древнехранилище» – уникальном собрании старинных книг и рукописей. После многочисленных неудачных попыток достать деньги на содержание коллекции М. Н. Погодин передал рукопись в Киевскую археографическую комиссию, где она публиковалась на протяжении ряда лет. I том вышел в 1848 г., II – в 1851 г., III том увидел свет в 1855 г., завершилось же издание в 1864 г.

Самыми популярными украинскими летописными произведениями XVIII века были летопись Гадяцкого полковника Григория Грабянки (Д. Багалея писал о существовании двадцати [1], а Ю. Луценко – более пятидесяти списков [11]) и анонимная «История Русов» – по выражению Н. Ульянова, «Катехизис, Коран и Евангелие украинства [19]».

Публикация летописи Г. Грабянки осуществлена И. Самчевским в 1854 г., «История Русов» была опубликована в 1846 г. благодаря усилиям О. Бодянского, но задолго до публикаций эти произведения приобрели известность в широких научных и читательских кругах. Так, в одном из писем 1870 года к О. Бодянскому М. Максимович

вспоминал, что известность «Истории Русов» началась со списка, который ещё в 1820-е годы приобрёл историк Д. Н. Бантыш-Каменский у Степана Ширия. Ю. Оксман свидетельствует, что при содействии того же М. А. Максимовича рукописный список «Истории Русов» получил А. С. Пушкин. Это произошло осенью 1829 года. Поэт, как и большинство его современников, считал автором трактата известного писателя и архиепископа белорусского Георгия Конисского. В 1836 году, приветствуя на страницах журнала «Современник» издание его собрания сочинений, он писал: «<...> но главное произведение Конисского остаётся до сих пор неизданным <...> Как историк, Георгий Конисский ещё не оценён по достоинству, ибо счастливый мадригал приносит иногда более славы, нежели создание истинно высокое, редко понятное для записных ценителей ума человеческого и малодоступное для большого числа читателей [15, с. 95]». В связи с приведенными фактами подчеркнём обоснованность утверждений представителей американской украинистики О. Прицака и Н. Ульянова о том, что именно «История Русов» стала главным источником исторических сведений об украинском прошлом для историков и литераторов. «Последовательный, цельный и законченный морализаторско-беллетристическо-исторический рассказ, написанный в блестящей манере европейского Просвещения, “История Руссов” как раз и просвещала россиян и украинцев, заостривших в их темноте и историческом беспамятстве, просвещала умело, грамотно, романтично, страстно» [19].

Уже первые, немногочисленные читатели рукописных списков казацких летописей смогли убедиться в том, что главным событием казацкой истории писатели-летописцы считали национально-освободительную войну 1648-1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого. Интересно в этом смысле наблюдение В. Шевчука, который отметил, что в летописи Г. Грабянки на описание этой войны из 227 страниц отведено 123, предыдущая же история занимает всего 21 страницу [21, с. 435–436].

В летописных памятниках налицо апология гетмана, сознательно создаваемый его литературный культ. У С. Величко и Г. Грабянки он – «новый Моисей» народа малороссийского, в «Истории Русов» – «отец нации», «казацкий герой». Присущая всякому летописному повествованию «художественная неразвёрнутость» образа Хмельницкого не мешает стремлению казацких летописцев показать Богдана человеком необыкновенным ещё до выхода его на историческую арену. Весьма избирательно и лаконично излагая сведения о нём, авторы сосредоточены на преимущественном

изображении боевых подвигов казаков и их лидера, воссоздании трагического характера войны 1648–1654 гг. События Хмельнитчины изображены как явление не только национальное, но общеевропейское. К примеру, неизвестный автор «Истории Русов» сравнивает украинского героя с Помпеем и Цезарем, а С. Величко подчёркивает вовлечённость многих народов в происходящее на Украине.

От внимания учёных не укрылась тенденция акцентировать внимание читателей на утопических картинах благородного поведения малороссов, такие эпизоды, по мнению Е. Зарудного, буквально пронизывают «Историю Русов». «Чего стоит, – пишет исследователь, – вассально-рыцарское отношение к королю как к суверену и помазаннику Божьему – гетман приказал всему воинству своему, чтобы никто во время боя не посмел поднять убийственную руку на Короля и прикасаться к нему, яко к лицу освящённому, сиречь помазаннику Божьему, но при всяком случае почитал бы его с набожностью <...> Король несколько раз был окружён казаками, но к нему никто не прикасался и даже ничем на него не метал, а пропускали его уважительно <...> Плутарховы великие мужи словно ожили на украинских просторах» [6].

Подобный подход к эпохе Хмельницкого, закреплённый окончательно в «Истории Русов», был взят на вооружение русскими литераторами-романтиками. Как отмечает Г. Грабович, в первые десятилетия века XIX, «принимая эту культуру как свою, то есть как областной вариант, обогащающий широкую всероссийскую словесность, русский читатель и критик ещё как бы не замечал, что <...> её нельзя так просто интегрировать в русскую, “отечественную” и что она на глазах превращается во что-то другое» [4, с. 97].

В результате рецепции летописных текстов с их чёткой и определённой трактовкой образа Богдана Хмельницкого, всего казачества в русском романтическом сознании были заложены определённые «горизонты ожидания», реализованные затем в литературных произведениях, созданы идейные условия для конструирования художественного образа украинского гетмана, всей его эпохи в творчестве русских поэтов и писателей по определённой, героико-харизматической модели.

Следует отметить, что процесс знакомства русских читателей с событиями украинской истории и национальными героями осуществлялся при активном участии русской периодической печати. Русские литературные журналы охотно публиковали документы, разного рода архивные материалы, касающиеся украинской истории. Их подробный перечень дан в книге

Г. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, к истории Малороссии относящихся» (1870) [9], мы же приведём лишь несколько подтверждающих примеров. К числу первых документов украинской истории, ставших известными русским читателям, отнесём «Манифест Богдана Хмельницкого» и «Краткий летописец», они были напечатаны в 1793 году, в журнале «Российский Магазин». В «Северном архиве» (ч. XV) за 1825 год опубликованы фрагменты из сочинений Гийома Лавассера Боплана, французского военного инженера, который в 1630-1648 гг., находясь на службе у польского правительства, руководил строительством крепостей на юге Украины. Его «Описание Украины» в полном объёме было издано в Петербурге в 1832 году. В 1827 году журнал «Вестник Европы» напечатал переписку Богдана Хмельницкого и Ивана Выговского с патриархом Никоном. Харьковский романтик О. С. Евецкий в 1835 году печатает на страницах «Московского телеграфа» «Универсал гетмана Богдана Хмельницкого», а в «Телескопе» пишет «Об изгнании Зиновия Хмельницкого из Субботова». Журналы «Отечественные записки» (1851, № 2, т. 74) и «Современник» (1859, вып. 4) предоставили свои страницы Н. А. Маркевичу – известный писатель рассказал об истории своего уникального архива, относящегося к истории Украины XVI – XVIII вв. Коллекция содержала двенадцать тысяч памятников, а О. Бодянский, говоря о ней, отмечал: «...счёт старинным рукописям идёт не номерами, а пудами [цит., по 10, с. 93]».

Важную роль в деле утверждения украинской проблематики в научной, издательской и литературной сферах играло Общество истории и древностей российских. Созданное в 1804 году при Московском университете, обладая правом снимать копии со всех летописей и архивных документов, оно сосредоточило внимание на публикации памятников старины – старославянской, древнерусской и украинской письменности. О масштабах его культурно-просветительской деятельности свидетельствует материал, собранный в монографии О. В. Тодийчук «Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских» (1989). Исследовательница проанализировала публикации, которые появлялись на страницах периодических изданий, прежде всего в журнале «Чтения Общества истории и древностей российских», который с 1845 года редактировал уже упомянутый нами О. Бодянский. Это, в первую очередь, источники, освещающие ход Освободительной войны 1648–54 гг. Кроме «Истории Русов» и летописи Самовидца были напечатаны Львовская, Киевская и Густинская летописи, диариуш Ханенко, Реестр Войска

Запорожского 1649 года, летописная «Повесть о том, что случилось на Украине со времени покорения её Литвой до смерти Богдана Хмельницкого», «Краткое описание о казацком малороссийском народе» П. Симовского и т.д. В числе уникальных документов, ставших доступными русским читателям, отметим «Перевод с грамоты турецкого Магомет Салтана, что писана к запорожским черкас гетману Богдану Хмельницкому 1653 года, в месяце марте», изданный Осипом Бодянским в 1848 году.

Презентация исторических документов и произведений казацкого летописания русской читательской аудитории сопровождалась и первыми попытками их научного изучения. Одной из первых проблем, затронутых не только учёными, но и литераторами, активно обсуждавшихся, стала проблема авторства летописных памятников. Так, была поставлена под сомнение широко распространённая тогда идея о Георгии Конисском как авторе «Истории Русов». М. А. Максимович писал о попытках проникнуть в архив Лубенского полковника Полетики, по заказу которого Г. Конисский якобы и написал «Историю...»: «...чрезвычайно мне интересно было бы узнать имя многоталантливого анонима, сложившего эту фактически неверную, но высокохудожественную подмалёвку «Истории Малороссии». А что она написана не Георгием Конисским, а другим лицом, чуть ли не в первой четверти XIX века ещё живым – в том я так убеждён, что и против ваших возражений готов выдержать диспут [цит. по 12, с. 74]». Это письмо, адресованное О. Бодянскому, отображает один из эпизодов научной полемики, длившейся в 20–40- годы XIX века, в которой с разной степенью активности приняли участие А. С. Пушкин и Д. Н. Бантыш-Каменский, М. П. Погодин и Н. И. Костомаров, другие авторитетные в научных и литературных сферах современники.

Были сделаны попытки, пока ещё робкие и малоубедительные (О. Бодянский, М. Максимович), определить имя человека, которого, начиная с П. Кулиша, называли Самовидцем, назвать место создания летописи, событий, свидетелем которых был автор, исследовался язык произведения, выявлялись позднейшие дополнения к основному тексту.

Распространение и популяризация летописей, других исторических документов, их издание и начало научных исследований сопровождалось не только научными и общественными дискуссиями, но и возникновением на их фактографической основе историографических трудов, созданных по законам как научного, так и художественного творчества, так называемой беллетризованной историографии. Эту особенность духовной жизни эпохи особенно

важно учитывать, помня, что художественность как неотъемлемая черта была присуща и летописям, поэтому в трудах историографов-романтиков XIX века она может считаться традиционно унаследованной.

Как известно, в 1818 году вышли в свет первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которые, говоря словами А. С. Пушкина, открыли читателям историю отечества, до тех пор запечатлённую в труднодоступных летописях и архивных документах. Великий историограф блестяще решил сложную дилемму: как совместить «художественное словесное произведение» и строгость науки, где «нельзя прибавить ни одной черты к уже известному». Над его текстами, считает доктор исторических наук А. Ф. Смирнов, как будто трудились два человека: один – глубокий учёный, критик источников, другой – писатель, парящий на крыльях творческого вдохновения [16, с. 52]. «Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело: мысль разрушила бы нашу историю, кистью одной её можно создать» [цит. по 7, с. 101]. Этот восторженный отклик П. Я. Чаадаева об «Истории...» Н. М. Карамзина отмечает быстро ставшее традиционным стремление русской литературы к эстетизации исторического мышления, установку на восприятие истории как художественного артефакта, базировавшееся ещё и на мощной философской основе.

Ряд историографических произведений, имеющих как научное, так и художественное значение, продолжил Д. Н. Бантыш-Каменский, по словам А. С. Пушкина, «настоящий историк, а не поверхностный рассказчик или переписчик» [8, с. 526–527]. Он стал автором первой удачной попытки систематического научного изучения истории Украины. Четырёхтомная «История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства» увидела свет в 1822 году, её успех в широких читательских кругах показал необходимость новых дополненных изданий, которые и были предприняты в 1830 и 1842 годах. Созданная в жанре беллетризованной историографии, книга Д. Н. Бантыш-Каменского выполнила сходную с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина функцию. Она стала не только собранием исторических сведений, служила их популяризации, но подобно труду Н. М. Карамзина – источника литературных сюжетов на темы русской истории, долгие годы питала украинскими историческими сюжетами литературу русского романтизма.

Итак, появление и развитие в русском литературном процессе того времени многообразной в своих проявлениях украинской

исторической темы, её идейно-образных констант во многом предопределено творческой рецепцией летописных текстов и возникшими на их основе историографическими трудами. Так возникает уже известный, в общем-то, факт – наличие тесной связи, генетического единства новейшей русской литературы с научными изысканиями, с так называемой «профессорской культурой». Целый ряд учёных, профессоров стали активными участниками живого литературного процесса, сделали многие события в учёном мире фактами литературной жизни. Вслед за Д. Н. Бантыш-Каменским тип «художника-историка», «учёного-литератора», «научного романтика» демонстрирует нам наследие М. А. Максимовича и Н. И. Костомарова. В 30–50-е годы XIX века, в пору бурной общественной полемики о праве украинцев иметь собственную историю, язык, национальную культуру, все они успешно сочетают в своих позициях чувство украинского патриотизма и общерусской политической верноподданности. Подобная неразграниченность позиций в общественном и эстетическом сознании первой половины XIX века объяснима, считает Г. Грабович: «Украина *de facto* и формально, а также в своём коллективном самосознании была хоть и колоритной и исторически-своеобразной, но только провинцией российской империи [3, с. 41]». Известный учёный отмечает существование в русско-украинском (едином в то время – Т. М.) литературном контексте первой половины XIX века концепции-парадигмы «смерть Украины», заимствованной из летописных текстов. Суть этой парадигмы сводится к следующей идее, воплощённой как в историографии, так и в литературном творчестве романтиков – прошлая (т.е. казачья, свободная, героическая) Украина перестала существовать, для неё в современном и будущем мире нет места. Это трагический, но рационально-закономерный прогресс, «переход от чего-то аутентичного и органичного, в безрадостную современность» [3, с. 42].

Как видим, рецепция казацких летописей в России прошла несколькоэтапов – распространение рукописных списков и первичная популяризация, первые публикации, начало научного изучения, историографическая беллетризация, эстетизация исторического материала и вовлечения его в литературное творчество. Эти уникальные тексты обусловили содержательную определённости и идейный потенциал целого корпуса художественных произведений. На основе летописей романтики творят особенную художественную реальность, которая существует параллельно истории и не есть её копией. Исторические факты и свидетельства летописцев можно рассматривать как атомы, первоэлементы авторского

и читательского исторического мировоззрения, которые, в соответствии с эстетическими вкусами времени, складываются в единую, национальную картину мира.

РЕЗЮМЕ

У статті відтворено процес рецепції пам'яток козацького літописання (літописи Самовидця, Г. Грабянки, С. Величка, «Історія Русів») в російській історіографії та літературному процесі XIX століття. Культурне засвоєння літописного матеріалу мало кілька етапів – розповсюдження списків рукописів, їх первинна популяризація, перші публікації, початок наукового вивчення, історіографічна белетризація, естетизація історичного матеріалу і залучення його в літературну творчість. Ці унікальні тексти зумовили змістовну визначеність та ідейний потенціал цілого корпусу художніх творів. На основі літописів романтики творять особливу художню реальність, яка існує паралельно з історією й не є її копією. Історичні факти і свідчення літописців можна розглядати як атоми, першоелементи авторського і читацького історичного світогляду, які, у відповідності з естетичними смаками часу формують єдину, національну картину світу.

Ключові слова: літописи, художня рецепція, белетризація, картина світу.

SUMMARY

In the scientific paper the perception process of the Cossack annals monuments is recreated (the chronicles of Samovidez, G. Grabyanka, S. Velichko, “The History of Russes”) in Russian historiography and the literary process of XIX century. The cultural mastering of the annalistic material had a few periods – the distribution of the manuscript lists and the primary popularization, the first publications, the beginning of the scientific studying, historiographical fictionalization, historical material aesthetisation and the implication of the material into literary creative work. These unique texts specified the content and the ideological potential of a whole set of works of art. Romanticists create a special artistic reality on the basis of the chronicles. This reality is parallel to history and is not its copy. The historical facts and the arguments of the chroniclers can be seen as the atoms, the basic elements of the author's and the reader's historical world-view. Being sifted in accordance with the aesthetic tastes of the time, they form a single national picture of the world.

Key words: chronicles (annals), artistic reception, fictionalization, the picture of the world.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багалій Д. І. Нарис української історіографії : джерелознавство / Д. І. Багалій // Збірник історично-філологічного відділу Укр. Акад. наук. – Вип. II. – К., 1925. – С. 1–108.
2. Вяземский П. А. Письмо в Париж / П. Вяземский // Московский телеграф. – 1825. – ч. VI, № XXII. – С. 182–183.
3. Грабович Г. Питання кризи й перелому в самоусвідомленні української літератури // До історії української літератури : дослідження, есе, полеміка / Г. Грабович. – К. : Основи, 1997. – С. 38–44.
4. Грабович Г. Теорія та історія: «горизонт сподівань» і рання рецепція нової української літератури // До історії української літератури : дослідження, есе, полеміка / Г. Грабович. – К. : Основи, 1997. – С. 46–137.
5. Дончик В. Національна історія як духовне опертя української літератури / В. Дончик // Слово і час. – 1997. – № 9. – С. 6–9.
6. Зарудный Е. «История Руссов» – катехизис, Коран и Евангелие украинства / Е. Зарудный // Сайт міжнародної громадської організації «Інститут україніки» – Режим доступа: <http://www.ukrainica.com.ua>
7. Исупов К. Г. Русская эстетика истории / Исупов К. Г. – Санкт-Петербург : Изд-во ВГК, 1996. – 156 с.
8. Карамзин и Пушкин : письма их к Д. Н. Бантыш-Каменскому : 1818–1835 / Карамзин и Пушкин // Русская старина. – 1871. – № 4. – С. 526–527.
9. Карпов Г. Критический обзор разработки главных русских источников к истории Малороссии относящихся / Г. Карпов. – М., 1870. – 477 с.
10. Косачевская Е. М. Н. А. Маркевич (1804–1860) / Е. М. Косачевская. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 286 с.
11. Луценко Ю. Григорій Граб'янка та його літопис / Ю. Луценко // Літопис гадяцького полковника Григорія Граб'янки. – К. : Знання України, 1992. – 192 с.
12. Максимович М. А. Об историческом романе г. Кулиша «Чёрная рада», 1857. (Письмо к Г. П. Галагану) / М. А. Максимович // Фришман Л. Г., М. А. Максимович-литератор / Л. Г. Фришман, С. Н. Лахно. – Харьков : Издво ХНАДУ, 2003. – С. 441–453.
13. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа / Ю. В. Манн – М. : Советский писатель, 1987. – 320 с.
14. Надеждин Н. И. О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической // Литературная критика. Эстетика / Н. И. Надеждин. – М. : Худож. лит., 1972. – С. 124–254.

15. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин – Л. : Наука, 1978. – Т. 7: Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. – 1978. – С. 223–235.
16. Смирнов А. Ф. Страницы жизни и деятельности историка / А. Ф. Смирнов // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её важнейших деятелей. – М. : Олма-пресс образование, 2004. – С. 5–84.
17. Сомов О. М. О романтической поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века / О. М. Сомов. – М. : Искусство. – Т. 2. – С. 545–562.
18. Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века / В. Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1985. – 279 с.
19. Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма / Н. Ульянов. – М. : Мысль, 1996. – 476 с.
20. Фризман Л. Г. М. А. Максимович-литератор / Л. Г. Фризман, С. Н. Лахно. – Харьков : Изд-во ХНАДУ, 2003. – 500 с.
21. Шевчук В. Муза роксоланська / В. Шевчук. – К. : Либідь, 2005. – 726 с.
22. Щербак В. О. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. / В. О. Щербак. – К. : Видавничий дім «KM Academia», 2000. – 296 с.

УДК 94(477) “19”:82’06
ББК Т63.3(4Укр)6

О. В. Муратова

ЛІТЕРАТУРНЕ ШІСТДЕСЯТНИЦТВО В УКРАЇНІ: СОЦІАЛЬНО-ДЕМОГРАФІЧНИЙ АНАЛІЗ

У статті здійснено соціально-демографічний аналіз складного і суперечливого явища української культури минулого століття – літературного шістдесятництва. На підставі аналізу різних за походженням історичних джерел – архівних документів, публіцистичної, мемуарної літератури, обґрунтовано кількісний склад письменників-шістдесятників; встановлено віковий ценз і регіональне походження митців, які склали ядро цього явища; виявлено дислокацію осередків літературної інтелігенції, що стали основою для формування шістдесятництва в Україні. З урахуванням отриманих у ході дослідження результатів, зроблено спробу впорядкувати категоріальну сферу, визначитися із вживанням дефініцій на